

С годами убеждаешься, что Россию, и правда, умом не понять. Только вот к двум прежним бедам — дуракам и дорогам — в Отчизне добавилась третья: дураки, указывающие дорогу.

ЗАВИСТЬ

На работу в администрацию района меня пригласили в начале октября 2008 года, а уже в конце ноября в адрес губернатора пришла анонимка. В ней «доброжелатель» писал: «Нового зама Генку, нехорошего человека, взял к себе по благу его друг детства Глава района Сашка — они когда-то вместе бегали в Мухановке к девкам. У Генки зарплата стала сто тысяч рублей в неделю, появился особняк с колоннами, он ездит на работу в „мерседесе“. За что ему такие почести? Его отец играл на гармошке полициям, мать работала в военкомате и освободила сына от службы в армии. Не место таким прохиндеям, как Генка, во власти!»

Я мог бы найти клеветника: конверт бросили в почтовый ящик, написано ручкой, обратным адресом указан мой родительский дом. Там никто не живёт, номер дома изменился, и об этом мало кто знал, кроме соседей. Но копаться в поисках автора было противно и некогда: бумагами завалили по самое «не балуй», в том числе, и анонимками. Пришлось отвечать губернатору на трёх листах, что я совсем не тот лиходей «Генка», о котором написано в ябедке. Единственный факт, который не вызывал сомнения, — это бегание к девкам в Мухановке. А как не бегать, если я их любил со школьной скамьи? Не потопяешь — не отхлопаешь. Правда, с будущим шефом, главой района «Сашкой», не пересекался — он на три года моложе меня, в ту пору его на это дело мамка не пускала. Но в остальном...

Зарплата моя была как у нагруженного часами учителя, но в десять раз меньше, чем сказано в анонимке. В доказательство приложил справку о доходах за полтора месяца — сколько успел «хватануть». Никакого особняка, даже дачного домика, ни сада, ни огорода у меня отродясь не имелось. Хватало по горло тёщиных двадцати соток, где мы с женой пахали, пололи, все выходные и отпуска. Правда, супруга спросила на всякий случай: «Может, и правда, есть дворец с колоннами?»

Приложил к ответу губернатору справку о том, что у нас с женой есть только «двушка» в панельной «хрущобе». Ни машины, ни мотоцикла не имел никогда. Я не любил технику: в детстве летел на новеньком «орлёнке» с горки над рекой, сломал велосипед и два ребра, с тех пор не то что «мерседеса» — самоката не имею.

О том, что мама, машинистка военкомата, не «откосила» меня от армии, красноречиво поведала копия военного билета, где за куцыми буквами КСибВО подразумевалось: Краснознамённый Сибирский военный округ. И звание ефрейтора по блату не дают.

Отец мой умер в середине 80-х, не дождавшись пенсии. Может быть, на его инсульте сказались четыре года плена, проведённых в Дойчланде. Уж там точно не было полицаев и гармошки.

Эта ябеда оказалась первой — не ласточкой, нет, а трескучей сорокой. Потом слали ещё и ещё. Такие же грязные и подлые, и все из родной Мухановки. На меня, на главу, на начальника управления образования... Как будто в моём селе осталась со сталинских времён некая подпольная группа по изготовлению доносов для «расстрельной» 58-й статьи.

Как-то на стол губернатору легла очередная кляуза из мухановского «пресс-центра». В этот раз в ней фигурировали глава района, его зам, то бишь я, а также начальница управления образования и директорша школы — обе симпатичные блондинки бальзаковских лет, и коллектив школы. Явно, потрудились кто-то из этого коллектива. Мужчины-педагоги в школе вдруг оказались педофилами, старые учительницы — маразматиками, молодые — проститутками. Директор школы и начальница районного образования стали любовницами главы. Меня, увы, от этой роли отстранили — староват. Зато я, оказывается, пил водку в подвалах, валялся на кучах щебня и на работу не ходил...

В этот раз, собравшись втроём, я, глава, начальник управления и директор решили вычислить анонима. И нашли-таки! Ошибкой писаки оказалось то, что мы были названы уличными прозвищами, которые знали только жители Мухановки старшего возраста. Таких в школе остались два человека: завхоз и скромная, тихая почётная работница образования. Завхоз оказалась не у дел.

Что двигало заслуженной учительницей? Откуда у неё появилась такая ненависть к своим бывшим ученикам? Оказалось — от зависти. Проживала она в блочной «хрущобе», в квартире на первом этаже с видом на помойку, с семьёй у неё не сложилось... Золотая медалистка в школе, отличница в вузе считала себя достойной лучшей участи. Но другие, а не она, жили в добротных домах, их любили мужья и жёны, и, что обидней всего, такими счастливчиками были коллеги и бывшие ученики.

Мы не стали с ней беседовать о морали. Учительница сама всё поняла, когда при встречах не увидела приветов в наших глазах. Она уволилась. Но свято место пусто не бывает. Сегодня доносы пишут другие. И впереди всех — учителя. Удивительное дело! Они сегодня получают зарплату больше директоров, чиновников, лишней шаг без денег не ступят, защищены профсоюзами и Президентом, а всё равно ябедничают! А всему причиной — ЕЁ НИЧТОЖЕСТВО ЗАВИСТЬ.

«Я ПАМЯТНИК ВОЗДВИГ...»

В 2005–2008 годах я работал в независимой газете: был креативным директором, выпускающим редактором, корреспондентом. Газета, на шите которой написано честлюбивое «не зависимая от чиновников, политиков и олигархов», была и остаётся самой читаемой в городе, потому как пишет на злободневные темы: о состоянии жилья, дорог, о ценах, о качестве продуктов, о нелёгких судьбах людей... А политика пусть льётся с экранов.

Являясь хорошим психологом, главный редактор газеты Вера Михайловна ориентировала журналистов на первичное восприятие читателями материалов. Главное — сразу поразить, заставить ахнуть, посочувствовать, выругаться, сжать кулаки. А разборки, что и почём, — дело второстепенное. В общем, это крепкая репортёрская метода: кинули камень в воду, круги разошлись, а собирать их обратно — не обязательно, да и не получится.

Мне работать в газете нравилось: была возможность для самовыражения. Вера Михайловна предлагала всевозможные проекты для привлечения читателей. Правда, не хватало аналитики, но её многим читателям и не надо: им некогда и не под силу разбираться, что, когда, куда, откуда, почему, зачем и как. И, может быть, я ещё дольше работал бы в СМИ, но мой сын стремительно делал карьеру музыканта в Санкт-Петербургской консерватории, ездил с концертами за границу, намеревался поступить в аспирантуру, и для обеспечения его жильём моей зарплаты в газете было маловато — всего 12 тысяч рублей. Жена получала и того меньше. Мы должны были десять лет ни есть, ни болеть, ни одеваться, чтобы купить сыну квартиру в городе на Неве.

В общем, когда в октябре 2008 года глава района, земляк, друг и бывший коллега по самодеятельной сцене, предложил мне стать его заместителем по социальным вопросам с месячной зарплатой в 30 тысяч рублей, я, конечно, согласился: мы живём и работаем в первую очередь ради детей.

Главный редактор газеты Вера Михайловна расстроилась: я был на хорошем счету. Но повысить мне намного зарплату не позволяла инфляция.

— Если там не понравится, возвращайся, — сказала на прощание редактор. — Целый месяц не буду никого сажать за твой компьютер.

Я тогда был растроган и не придавал особого значения её словам. И вот примерно через две недели, когда я постепенно входил в очень непростую новую должность, мне позвонила юная журналистка из «родной» газеты:

— Скажите, пожалуйста, а что районная власть думает делать с памятником жертвам фашизма, который находится на территории Мухановской школы?

Это было одно из моих незавершённых в газете дел: старый памятный знак — штампованная в 1952 году на Харьковском скульптурном заводе двухфигурная железобетонная композиция — настолько обветшал, что представлял угрозу для людей: мог упасть и кого-либо придавить. Раньше он стоял на могиле казнённых фашистами местных жителей, а когда в 1970-х годах стали возводить мемориал с Вечным Огнём, старый памятник в него не вписался. Скульптуру сняли, но не уничтожили: директор школы установил её на школьном дворе, хотя никаких захоронений там не было. Списанный памятник на баланс никто не принял, деньги на его ремонт не выделялись. Подкрасят бетонные фигуры женщины с ребёнком серебрянкой раз в пять лет — и достаточно. Однако к 2008 году в сооружении появились большие дыры, куски от фигур отваливались, а камень, упавший с пьедестала, поранил ногу одному из учеников.

В новой должности я отвечал кроме прочего и за состояние памятников в районе, поэтому ответил недавней коллеге:

— Скульптуру надо демонтировать, реставрировать и вновь установить. Моё мнение — её место на мемориале, где памятник стоял раньше, где тысячи людей проливали у его подножия слёзы по безвинно убиенным.

Казалось бы, нормальный по логике ответ. Газета поместила его как комментарий к статье юной журналистки под фото ущербного памятника. Затем этот же материал был размещён в компьютерной сети, в том числе на «Интерфаксе», где ушлые

журналиги любят ловить рыбку в мутной воде. Вскоре в моём кабинете раздался телефонный звонок из Москвы. Говорила женщина:

— Уважаемый замглавы, вы отвечаете за свои слова, что памятник в Мухановской школе должен быть демонтирован?

Я ещё раз подтвердил: да, его надо снять, отреставрировать и вновь установить.

— Значит, районная власть — сторонница демонтажа памятника жертвам войны, — с явным удовольствием констатировала в трубке невидимая собеседница.

И пошла гулять газетная Расеюшка! На сайтах столичных изданий стали появляться сообщения, подобные этому: «Районные чиновники собираются снести мемориал жертвам фашизма. Это кощунство! Жители протестуют!»

Какой мемориал?! Какие жители?! И разве это кощунство — реставрировать скульптуру?! От чудовищного вранья брала обида: меня, называли разрушителем истории. Но опровержения не принимались: вспомните брошенный в воду камень.

Губернатор вызвал к себе главу района и заявил:

— Почему у тебя работает этот «чудик»? Выгоняй!

Глава смог защитить меня — особых усилий не требовалось, чтобы доказать мою правоту. Но вскоре наярнуло Центральное телевидение, один из ведущих каналов. День был промозглый, серый, ветренный, все дрожали от холода. Чтобы не попасть в кадр, областные чиновники отошли подальше от камер. Отдувались мы с главой. Чтобы как-то разрядить обстановку, я шепнул ему:

— Когда бы нас с тобой ещё по Первому каналу показали!

Мне предложили обойти вокруг памятника, показать рукой изъяны и поведать, что мы планируем с ними делать. Я, надеясь на порядочность столичных журналистов, ещё раз повторил: снять, отремонтировать, установить. Примерно то же заявил и глава, пообещав, что уже ко Дню Победы памятник будет в порядке.

Когда вечером, волнуясь, я включил программу новостей, услышал фразу: «В селе Мухановке местные власти решили демонтировать памятник жертвам фашизма».

Нас загнали в угол. Губернатор поставил задачу: за полгода всё сделать, как положено.

Ещё несколько недель журналисты «всей Руси» трезвонили мне, что-то уточняли, ругали, называли «фашистом». Однажды позвонила и Вера Михайловна:

— Ну, как, дружище, не думаешь вернуться в газету? Я твоё место берегу!

Полгода опытные скульпторы «чинили» разрушения в двухфигурной композиции. Полгода мы собирали деньги на её восстановление. Спасибо губернатору — реально помог. А так — на святое дело не много нашлось меценатов. Иные богачи на гулянки бросают тысячи рублей, а на мемориалы сотню «деревянных» жалеют.

Как бы то ни было, перед Днём Победы в мае 2009 года мы установили отреставрированную скульптуру на прежнем месте. На открытие обновлённого памятника не прибыли ни столичные, ни областные СМИ. И никто об этом не написал, кроме «районки» и той самой юной журналистки из независимой газеты.

О ПОЛЬЗЕ ПРИРОДНОГО ГАЗА

В селе Сучок шло торжественное открытие газоснабжения. Всё как положено: местные жители, гости из области, газовики, строители, пресса и, конечно, мы с главой района. Дело хорошее, социальное. Речи, благодарности, символический факел... Всё было бы и вовсе замечательно, кабы не погода: мороз градусов под двадцать, ветер, вьюга... Люди топали, хлопали, чуть ли не пускались в пляс, чтобы не околеть.

Выступающие старались говорить короче, но их было около десятка. Зачем-то дали слово и мне. Ведущая объяснила это так: «Вы все знаете заместителя главы: он когда-то учил в Сучанской школе ваших детей и внуков».

Люди оживились, заулыбались, похлопали в перчатки и варежки. Чтобы не нудить, я сказал коротко: «Дорогие земляки, я помню ваши мучения по добыче дров для печей — сам рубил хмызник и таскал во двор моей хозяйке Андрияновне. Теперь к вам пришло голубое топливо. Поздравляю! Единственно, жаль, что не будет вашего знаменитого бурачного самогона „с дымком“ — на газовой плите его не сваришь».

Это была шутка «для сугрева», люди поняли её и посмеялись.

Примерно через неделю секретарша из приёмной заглянула в мой кабинет и сказала:

— К вам гости из Сучка.

Я люблю принимать людей, особенно простых, деревенских..

— Приглашайте.

В кабинет вошли две старушки. Конечно, тридцать лет назад, в бытность моей работы в школе, они были молоды и красивы. Мне стало тепло на душе от воспоминаний! И у старушек светились глаза: мы рядом трудились на свёкле, устраивали в клубе «огоньки», пели и плясали под баян... Эх, молодость! Я спросил их о детях и внуках, они — о моей семье. Но, видимо, гости куда-то спешили. «Настя, говори по делу», — кивнула одна из них подруге. Я подумал: поэзия закончилась, сейчас женщины станут жаловаться на что-либо, мешающее жить. Просто так к районному начальству не приходят.

— Дорогой ты наш учитель, извини, что отрываем от дел, — произнесла Настя, перейдя по старинке на «ты». — Намедни на сходе по газу ты сказал, что теперь мы забудем вкус «бурачного с дымком». Потом мы с бабками за столом вспомнили эти слова и то, как ты нам помогал тогда, как жили душа в душу...

— И мне колоды для печки колол, — подхватила другая старушка. — Забыл? И дочку мою выучил...

— Так вот, принесли мы тебе от наших жителей подарок, чтобы вкус не забывал! — сказала торжественно Настя, достала из сумки полторашку «бурашного» самогона и вручила мне её, словно это были ключи от счастливого времени.

«КРУТЫЕ» ПОДАРКИ

Разочарованные внутренней политикой государства россияне частенько говорят о столичных чиновниках и депутатах: «Они дальше Садового кольца не видят». То есть, слуги народа не знают, чем живёт этот самый народ. Но подчас и в самой провинции есть случаи подхода к людям, граничащие с цинизмом.

Как-то я приехал в одно старинное село поздравить с Днём Победы местных жителей, в первую очередь — ветеранов Великой Отечественной и вдов погибших воинов. Увы, пришли на праздник лишь вдовы, три ветхие старушки с тёмными от вечного колхозного загара лицами и жилистыми сухонькими руками. Их посадили рядышком на стульях. Дети вручили старушкам тюльпаны, я — комплекты постельного белья, сельсовет — продукты.

Среди собравшихся на празднике выделялись двое крепких парней явно не сельского типа. Они подозвали ведущую, перекинулись с ней парой слов, и та объявила:

— Дорогие вдовы! Вас приехали поздравить с Днём Победы представители частного охранного предприятия. Они привезли вам в подарок компакт-диски с записями песен известного в районе барда (последовали имя и фамилия).

Взяв с великой осторожностью компакт с цыганистым певцом на картинке, старушки попытались их раскрыть: трепетно, как в довоенной юности баночки с пудрой. Наконец у одной вдовы получилось отколупнуть крышку, она помогла другой вдове, и вот все три стали рассматривать диски на солнце.

— Гляди-ка, блистючие! — порадовалась одна. — Зимой повешу на ёлку.

— Я под сковородку подложу, — сказала другая. — Хорошая подставка...

— На полку выставлю, вместе с патретом: красивый мужик этот Валера! — произнесла третья...

А вот другой пример. Перед Новым годом мне позвонила лидер железнодорожных ЛДПРовцев:

— Мы хотим раздать в деревнях новогодние подарки детям. Никакой агитации! От всей жириновской души!

Да кто же против новогодних подарков? ЛДПР — уважаемая партия, её лидер много лет в большой политике. Я даже попросил соратницу Владимира Вольфовича адресно помочь двум многодетным семьям: они только что прибыли из Средней Азии, ещё не оформились у нас, «в списках не значились».

— Обязательно поможем! Спасибо за доверие!

Я связался с сельсоветами, их главы дали телефоны беженцев, и мне было приятно говорить о предстоящих подарках. От кого? Да какая разница! Дед Мороз принесёт, а Снегурочка вручит.

Со спокойной совестью я уехал на выходные в Подмоскowie к дочери и внучке. Когда же после Рождества началась рабочая неделя, ко мне в кабинет вошла одна из тех самых многодетных матерей.

— Что, разве к вам никто не заходил? — спросил я, уже готовясь отдать женщине свой профсоюзный подарок — коробку конфет.

— Приходили... — смущённо ответила беженка. — Позвонили в дверь. Открываю — на пороге Дед Мороз и Снегурочка с большими пакетами. Детки обрадовались — их у меня трое, от года до пяти. «Волшебники» прочли по стишку и заспешили дальше — мол, многие ждут. Когда детки открывали пакеты, у них глаза сияли, как бенгальские огни. С каким же расстройством они вытаскивали майки и бейсболки с буквами партии. Видно, с выборов остались... Хоть бы по конфетке положили!

Отдал я беженке свой профсоюзный набор конфет. А другую семью одарил конфетами сельсовет. Ведь в праздники грех обижать детвору: она далека от политики.

«МИЛЫЙ, ПОМОГИ!»

В администрации района доступ граждан к «телу» начальника — дело простое. Не то что в области или в Москве, где надо заранее записываться, ждать вызова... Может быть, только к главе есть запись, потому что он на ходу решать вопросы не должен, особенно связанные с землёй и деньгами. Пообещаешь человеку что-либо на улице, да забудешь, а народ у нас обидчивый. Лучше уж под протокол.

А у заместителей главы и у начальников отделов, управлений «живая очередь» для всех. Бывает, жалобщики на улице встретят, в автобусе, в магазине не отстанут... Что делать! Работа у нас такая...

Однажды сижу я в своём кабинете, готовлюсь к заседанию какой-то комиссии (их у меня восемнадцать). Вдруг слышу с порога приёмной знакомый акцент. Так и есть — цыгане. В расцвете лет, где-то по сорок-сорок пять. У него борода густая, чёрная, без проседи, глаза круглые, крутятся, как у куклы-неваляшки. Брюки заправлены в сапоги, пиджак в полосочку, картуз в руке — классический «романе». Он и назвался Романом. Она представилась Розой — дородная, в цветастых, как в индийских фильмах, платьях. На голове платочек шёлковый, под ним — коса, уложенная вавилонями. Только вошли — и сразу в их глазах море любви ко мне.

— Милый, родной, золотой... — начала цыганка, прижимая руки к пышной груди. — Нам сказали, что ты человек хороший, добрый, всем помогаешь...

— Кто сказал? — перебил я.

— Все говорят. Весь район и город говорит, что глава района — самый человечный человек.

— Я не глава, а его заместитель...

— А зам. главы, сказали, — самый лучший зам во всей России. Когда на месте нет главы, он решает все вопросы.

— Что вам угодно? — спросил я как можно строже, хотя внутри распирал смех. Роза зыркнула глазами в Романа: мол, твоя очередь. И тот, сжав в руке картуз, шагнул ко мне.

— Жить негде, дорогой. Семья большая, комнатка маленькая, спим на полу, — сказал он, вращая кукольными глазами. — Дай нам жильё.

— В какой деревне?

— Зачем в деревне? В городе хотим остаться.

«Ага! — смекнул я. — Городские, слава Богу!» И пояснил:

— У нас — район, деревни с сёлами-посёлками, а в городе — своя власть, ниже этажом.

— Мы на «шанхае» проживаем, дом на две семьи. Так тесно, что нет силы жить!

— «Шанхай» — это частный сектор города, — повторил я. — Спросите ниже этажом.

Незванные гости переглянулись, и вдруг цыганка рухнула на колени, да так громко, как, должно быть, упадёт когда-нибудь Пизанская башня.

— Милый, помоги! Нам нечего кушать! С голоду умираем! — воскликнула она, скинув руки с такой страстью, что блеснули золотые кольца на всех пальцах.

Я вынул из портфеля свой обеденный «тормозок»: два бутерброда с колбасой и пару яблок — и протянул цыганам.

— Нет, дорогой, ты денег дай! — потребовала Роза.

— И где ж я их возьму?

— Как где? А в сейфе? — сказала она, указав на «двухэтажный» сейф в углу кабинета.

Чтобы не вступать с гостями в объяснения, я предложил им заглянуть в утробу «банка». Цыгане, горя любопытством и алчностью, шагнули к стальному хранилищу, которое давно не слышало лязга ключей — те были утеряны.

Я открыл тяжёлою, с лязгом, верхнюю дверцу. Из сейфа потекла река листовок «Единой России». Лощёные, цветные, они падали на пол радужным листопадом. И вторую дверцу я раскрыл — там лежали пакеты с эмблемой «Единой России» и футболки с медведем на спине. Удостоверившись, что в сейфе больше ничего нет, Роза сказала:

— Дай нам хоть по майке и пакету.

— Это можно, — сказал я. — Это с радостью!

Вскоре цыгане покинули мой кабинет с пакетами от партии, как будто агитаторы. Их лица говорили: «Хорошо, хоть чем-то поживились». А что? Они ведь тоже из России, где мы все едины и непобедимы!

ЗАЩИТНАЯ ЗОНА

Охотников за дураками у нас в стране, может быть, не так уж много, но они правильно расставлены, по номерам, чтобы выколачивать деньги. Здесь всякого рода надзоры, комиссии, инспекции и прочие карающие органы во главе с прокуратурой. Один из таких «номеров» — служба по охране памятников культурного наследия. Люди в ней вьедливые — страсть! Если есть хоть малейший признак нанесённого ущерба какому-то памятнику или памятному знаку, они тут же обрушиваются на нарушителя, грозят ему штрафами, да не тысячными, а миллионными! Может быть, это и правильно: нельзя трогать святую память необдуманно, невежественно, наобум. Но есть здесь и то, что вызывает удивление. Например — незыблемость реестра этих объектов. Пусть их нет на самом деле, но то, что записано пером — действительно уж, вылетит — не поймаешь!

В деревне Курёнки по региональному плану в 2021 году областные власти наметили построить типовой фельдшерско-акушерский пункт — ФАП. По-старому — медпункт. Дело нужное, полезное: население в сельской местности стареет, болеет, а тут — реальная помощь на месте. От местной власти требовалось одно: выделить земельный участок в 6–10 соток, чтобы рядом имелись коммуникации: дорога, газ, вода, электричество. Глава сельсовета вместе с «земельщиками» и с помощью администрации района быстро решил эту задачу, заплатив не так уж много за труды по межеванию и кадастру. Он вовремя оформил документы на участок, сдал их в область и стал дожидаться приезда комиссии, дающей «добро» на строительство.

И вдруг из области пришёл отказ. Не согласились с этим участком в службе по охране объектов культурного наследия. Мол, территория ФАПа попадёт в 200-метровую защитную зону памятника регионального значения — братской могилы красноармейцев, погибших от рук кулаков в 1919 году.

Но братской могилы, о которой шла речь, не было вообще! Когда-то стоял скромный обелиск на том месте у реки, где погибли комиссары и бойцы Красной гвардии, причём он находился в полутора километрах от нашего земельного участка. Какая тут зона в 200 метров! Тем более, обелиск без могилы — не памятник вовсе, а памятный знак, так сказать, символ. Самим памятником считается только братская могила, однако имелся рукописный документ, изложенный главным комиссаром уезда в том же 1919 году, где русским по белому написано: убитых торжественно перезахоронили: одних — в селе Мухановке, волостном центре, других — в уездном городе. Всё! И почему в Курёнках упрямо записывали «братская могила» на пустом месте — непонятно. Может быть, для большей торжественности: в советское время здесь, у обелиска павшим, проходили митинги, ребят принимали в пионеры... Я не раз просил службу по охране объектов культурно-исторического наследия исключить памятник красноармейцам из регионального реестра, тем более что само место их гибели уже полвека находится под водохранилищем.

Но годы шли, а реестр не менялся, и вот почему: братская могила числилась уже в федеральных списках и убрать её оттуда оказалось делом длительным, затратным, да и, чего греха таить, неблагодарным. Выходит, многие годы плакали и клялись над пустой могилой. «А что? Пусть значится. Что от этого изменится? Лишний раз

вспомнить погибших — не грех», — думали руководители местной власти, подписывая в очередной раз реестр с несуществующим памятником.

И вдруг — отказ на участок для медпункта. Деньги, какие-никакие, но всё же тысячи, а не рубли, на оформление земли ушли. Коту под хвост. Грозили «нецелёвка» и ответ прокурору. К тому же сроки поджимали. Если в этом году ФАП в Куренках не построят, неизвестно, когда это случится.

Глава района поручил мне разобраться в ситуации. Я нашёл письмо прежних лет, в котором просил исключить несуществующую братскую могилу из объектов культурного наследия, приложил другие документы: газетные статьи, фотографию памятника 1919 года — они доказывали, что никакой защитной зоны на территории участка быть не может.

Бесполезно! В беседе со мной сотрудница службы по охране памятников выдвинула удивительную версию: мол, останки красногвардейцев перезахоронили именно рядом с участком под ФАП на заре перестройки, в 1990 году, а на их месте поставили памятный знак односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны — фигуру советского солдата. Каково?! Убедить милую женщину в абсурдности этого утверждения мне не удалось. «Значит, это не та могила, значит, есть другое захоронение красногвардейцев, о котором вы не знаете», — сказала мне сотрудница. Ей было всё равно: красноармейцы или красногвардейцы. Выходит, никто в районе ничего не знал о «другой» могиле, а в реестре её записывали так, для количества? «Делайте экспертизу, доказывайте вашу правоту», — посоветовали в службе.

Стали мы с главой района искать экспертов с лицензиями. Таких в области не много. «Да, конечно! — отозвались специалисты. — Проведём, как положено. Нас трое. Всё зависит от суммы, которую вы предложите. Если 50 тысяч рублей, — три месяца, 75 тысяч — месяц, а за 100 тысяч рублей и в неделю уложимся». Что ж, правильно составлены эти «охотники», знают свои номера! Спросили мы о методах работы. Опрос старожилов, имеющиеся бумаги, фотографии — то, что мы можем собрать и сами. Но зато у них лицензии! А значит, надо хорошо заплатить, чтобы они доказали: невозможно в тёмной комнате найти чёрную кошку, если её там нет! Дороговато, однако!

Кто-то предложил нам обратиться к самому опытному в России эксперту в этих делах. Мудрая женщина посоветовала по-доброму:

— Не связывайтесь с вашими специалистами. Они деньги, конечно, возьмут, но экспертиза не поставит точку. Несуществующий памятник вместе с защитной зоной так и останется в реестре. Чтобы вычеркнуть его из списка, нужно постановление за подписью первых лиц государства. Даже если вместо памятника есть только разбитый горшок.

— И что нам делать?! — взмолились мы с главой.

— Проще пересмотреть защитную зону, её границы, — сказала эксперт. — У меня есть знакомая, она этим занимается. Запишите её телефон.

Что делать? Стали мы звонить по новому направлению.

— Да, мы имеем вес, у нас много заказов. И только мы сможем вам помочь.

— Назовите сроки и сумму, — попросил глава.

— Охотно. Триста пятьдесят тысяч рублей — и через два года границы будут изменены.

Да что же это такое делается! Ещё один номер в охоте за дураками!.. Поняли мы: что-то доказать можно, но изменить — лишь за большие деньги через много лет. А жителям Курёнок ФАП (по-советски — медпункт) нужен сегодня. Махнули мы рукой на правду и кривду и, чтобы не тратить время, стали искать новый участок — подальше от памятников.

ПРАЗДНИК ЛИВЕРА

Трудно русскому человеку привыкнуть к тому, что вызывает у него душевную неприязнь. Заменили мягкое слово «милиция» на более жёсткое «полиция», и в памяти у всех всплыл ненавистный полицей, холуй, фашистский прихвостень с повязкой на рукаве. Вот уже который год пошёл, как надо по-новому звать участковых и патрульных, но у многих россиян язык не поворачивается.

Главе района как раз в эпоху «грустных перемен» предстояло публично поздравить работников МВД с их профессиональным праздником. Он, вообще-то, по профессии инженер сельского хозяйства, технарь, к ораторству привык не сразу, в те поры только начинал произносить речуги без шпаргалки.

И вот 10 ноября, Дворец культуры, полный зал людей в погонах. Вышел глава на сцену и... растерялся: как называть собравшихся — милицией или полицией? Рискнул сказать нейтрально:

— Дорогие друзья! Разрешите поздравить вас с праздником внутренних органов!

Сидящие в зале замешкались с аплодисментами, и было слышно, как кто-то проворчал: «Чтоб нам всем и в кишки, и в печёнки...»

ОРАТОР

А вот председатель районного Совета ветеранов Иван Иванович, человек заслуженный и уважаемый, всегда считал себя достойным оратором. Такая уверенность в своих талантах часто встречается среди безголосых певцов и бездарных поэтов. Раньше, будучи директором крупного предприятия и депутатом различных уровней, он по долгу службы должен был выходить на трибуну. Красноречием не отличался — ну что — не все Цицероны. Но если, по воспоминаниям современников, это обстоятельство раньше Ивана Ивановича как-то смущало, то с годами он эти комплексы растерял. Стоит за трибуной с докладом, громко плюёт на пальцы, переворачивая листы, кхыкает между словами, так что до конца сказанной им фразы можно выпить и закусить. С каждым годом тяга к выступлениям у него усиливалась, но красноречия не прибавлялось.

Районный Совет ветеранов Иван Иванович возглавил в 73 года. Талантливый организатор производства советской эпохи, он хорошо наладил работу: укрепил первички в сельсоветах, добился бесплатного лечения ветеранов в госпитале, возил стариков на экскурсии по историческим местам... Его активисты агитировали во время выборов и приносили немало пользы действующей власти. Молодец Иван Иванович, что и говорить! Но как получит слово на мероприятии, все с ужасом ждут, что будет.

Мне по должности не раз пришлось вместе с ним поздравлять юбиляров, выступать на митингах. Когда председатель райсовета ветеранов говорил по бумажке — куда ни шло: пусть кхыкает, зато с текста не сойдёт. Но стоило дать ему слово экспромтом, того и жди «перлов».

Однажды мы приехали поздравить в деревню с юбилеем 95-летнюю женщину, бывшую знаменитую доярку, относительно бодрую старушку. Иван Иванович во время тоста сказал:

— Вам...э-э-э... не дашь на вид 95 лет. Кх, кх... Вы выглядите... гм-м... на все сто!

Он так и не понял, почему все вокруг засмеялись.

Выступали мы с ним зимой на митинге в годовщину освобождения от гитлеровских оккупантов одного из сёл. А перед этим, пока собирался народ, старожилы вспоминали это страшное время и между прочим сказали, что в селе не так боялись немцев,

как полицаев. Мол, немцы иногда даже жалели ребятишек, помогали лекарствами больным, а «свои» отбирали последнее. Видимо, держа в мыслях эти слова, Иван Иванович на митинге заявил:

— Наши фашисты здесь вели себя даже лучше, чем наши полицаи!

Хорошо, что среди участников митинга были такие же, как он, старики — ничего странного не заметили в его фразе.

Зная о том, что Иван Иванович может что-либо ляпнуть, ему по возможности не давали слова в музеях и на форумах, и это председателя Совета ветеранов злило. Он каждый год получал награды за активную работу, так почему же не сказать об этом?

И всё-таки главный районный ветеран находил свою аудиторию. Как-то прибыли мы с ним в Мухановский детский сад накануне очередных выборов. В общем зале собрались воспитатели и нянечки, в основном молодёжь; отдельно сидели на лавочках детки — после нашего выступления намечался их концерт. Я в нескольких словах рассказал о ремонте групп, о закупке мебели и игрушек — то, что надо сказать перед выборами. И вот слово дали Ивану Ивановичу. Надо было видеть, как, раскрыв рты, распахнув глазёнки, слушали его детки! А он поведал малышам и молодым работницам о том, сколько ветеранов района отдохнуло в госпитале; сколько картофеля и овощей собрано для больницы; куда они ездили с экскурсиями и куда ещё поедут... В финале, глядя на малышей, попросил всех прийти на выборы. Воспитательницы и нянечки не выдержали, засмеялись. Вслед за ними развеселились и дети. Так что встреча закончилась «в тёплой, дружественной обстановке». И выборы прошли хорошо! А что ещё надо?

КАК СЛОВО СВЕРХУ ОТЗОВЁТСЯ...

Некоторые штатские генералы из администрации области в порыве начальственного гнева выдавали такие «перлы», что их подчинённые входили от неожиданности в ступор.

Один из заместителей губернатора, которых мы, чиновники районного масштаба, называли сокращённо «замгубы», имел привычку в конце выступлений перед аудиторией из районных чиновников предложить: «А теперь вопросы». И делал паузу, обводя зал светло-голубыми насмешливыми глазами. Опытные районные чиновники эту паузу выдерживали, а молодые, показывая свою прыть, что-либо спрашивали. И тут «замгуб» театрално вскидывал руки: «Вот умник нашёлся! Посмотрите на него!» Конечно, все глазели на «умника». И тот сожалел, что поддался на провокацию. Тем более, что ответ на его вопрос или повисал в воздухе, или был типа «сам дурак».

Этот «замгуб» был чиновником старой закваски. Он не очень вникал в суть вещей и событий, но заставлял подчинённых выполнять «циркуляры» любой ценой, какими бы «странными» они ни были. Вот пришла в область бумага из Москвы: из-за возможного обнищания Пенсионного Фонда РФ настойчиво предлагать работающим людям перечислять средства в негосударственные фонды: мол, потом, выйдя на отдых, наш «Буратино» получит десятки тысяч рублей к пенсии из «зарытого» в банке вклада.

Большинство людей понимали, что эта афера опасная: деньги отдашь, а там неизвестно, дождёшься ли пенсии, дотянет ли фонд. Но наш «замгуб», пихая циркуляр заместителям глав городов и районов, рубил фразами, рассекая воздух: «Через месяц доложите! Начните с себя, со своей социальной сферы, ведите работу среди учителей, врачей!» Когда один из моих коллег возмутился: «Опять нас в колхоз загоняете!», — «замгуб» поблел от гнева и гаркнул: «Мы государевы слуги! Мы должны!»...

В течение нескольких месяцев в администрации районов и городов, в коллективы учреждений приходили представители этих самых фондов. Люди возмущались очередным «колхозом», но кто-то, путая понятия «вклад» и «клад», всё же думал о будущем с оптимизмом. Однако тема эта потихоньку сошла на нет, и в памяти сохранилось только много шума из ничего.

А чего стоят выступления этого «замгуба» на совещаниях по демографии! На одном из них какая-то комитетчица констатировала факт: в отдельных районах за прошедшие полгода количество семейных браков оказалось ниже количества разводов. «Замгуб» поднял вверх руку, тормозя её речь, грозным взглядом обвёл аудиторию и заявил: «Надо потребовать объяснений от заведующих ЗАГСами: почему у них разводов больше, чем браков. Немедленно исправлять ситуацию!» Конечно, у многих чесался язык спросить, что же писать в объяснительных, но, зная реакцию «замгуба», никто не рискнул раскрыть рот.

Однажды и мне досталось от этого заместителя губернатора — и тоже из-за демографии. У нас в районе смертность намного превысила рождаемость. Рядом перспективный город, молодёжь устремилась туда, рожать в деревнях некому, а старики вымирают. Печальный, но объяснимый процесс. Об этом, а также о причинах смертей я собирался сказать как бы в оправдание ситуации. Нормальные люди это поймут, однако начальство должно было «для порядку» сделать мне втык. Наш «замгуб» такого случая не упускал. Во-первых, он умел унижить человека, показав, что тот никто и зовут его никак. Прекрасно зная ФИО докладчика, он вызвал меня за трибуну, назвав Александром Геннадьевичем Николаевым. Потом по ходу окрестил Геннадием Александровичем, Николаем Геннадьевичем — в общем, специально изгалялся: старый трюк советских партработников, следователей НКВД и прочих «государевых людей». «Не надо ничего читать, Александр Николаевич, — сказал „замгуб“. — Я знаю, ты писать умеешь, книжки издаёшь. Ответь мне на простой вопрос: почему у вас в районе люди мрут».

— Средний возраст жителей нашего района — 66 лет, — начал я.

«Замгуб» гомерически захохотал, ткнул в мою сторону пальцем и воскликнул:

— Вы поняли, о чём он говорит? Мне тоже 66 лет, так что теперь — собираться в Могилёв? В Землянск? Это не ответ. Ты начни ещё и про болезни говорить! Ответь: а что вы лично с главой района сделали для повышения рождаемости?

Честно говоря, этот вопрос застал меня врасплох, я не знал, что сказать под испытующим взглядом «замгуба». В зале мои коллеги прыскали в кулаки.

— У вас столько предприятий под боком! Добейтесь, чтобы они выделяли деньги на рождение детей! Вам ли, с вашими возможностями, говорить о плохой демографии! Вам надо рожать и рожать! Садись, Геннадий Николаевич, плохо, «двойка» тебе по демографии. И главе своему передай: ему тоже «двойка».

Спасибо, хоть в конце назвал меня правильно.

А другой «замгуб», заместитель Губернатора по вопросам ЖКХ, низкорослый, плотный, как Вий, вкручивал колючий взгляд в каждого из собравшихся в зале районных начальников в этой ненасытной сфере, которую сами коммунальщики расшифровывают «Живи Как Хочешь», несколько минут молчал, потом произносил загробным голосом: «Как мне надоели ваши рожи!» И начинал совещание.

ПЕРЕСОЛИЛ

Как-то так получилось, что на рубеже двух столетий главами нашего района становились три Юрия Ивановича. Шли они друг за другом, но правили недолго: на всех трёх пришлось пять лет. Ничем выдающимся Юрии не блеснули. Один пытался развести в деревнях казаков, чтобы те стали фермерами; другой старался для себя; третий в поселения не выезжал, людей не знал, но помечтать любил. Всех Юриев Ивановичей назначала губерния и делала это внезапно: только один пришёл в кабинет на работу — глядь, уже везут из центра другого. Но в мой 49-й год рождения пришёл конец «Юрскому периоду». Я, в то время редактор районной газеты, с утра дожидаясь прихода с поздравлением Юрия Третьего и его помощника и даже приготовил угощение: коньячок, лимончик, бутерброды — так, чисто символически. Ещё вчера помощник главы укорял меня за то, что не всегда на первых полосах нашей газеты красуется портрет шефа. Я протестовал: «Это культ личности! Глава не Ким Ир Сен!»

Юрия Третьего всё не было. И вдруг вбежал нахохленный, как филин, его помощник.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — крикнул он. — Сняли главу. Забудь о нём. У тебя когда газета выйдет?

— Завтра.

— Убери из текстов Юрку, фото замени. К нам привезли Василь Васильича. Встреча через час в актовом зале. Иди, фотографируй. Сам фотографируй! Сам! Понял?

И дальше побежал с оповещением о встрече.

Василь Васильич — человек местный, уважаемый строитель-производственник, имел большую перспективную фирму. Зачем ему понадобилась власть, он, видимо, и сам до конца не понимал. Зато престижно! Во время представления новый глава так рьяно говорил, как выведет район из тупика и кризиса, что люди верили и дружно аплодировали. А что им ещё оставалось?

Я интуитивно не воспринял Василь Васильича как сильного главу. Всё же было в нём что-то настораживающее. О представлении написал коротко, как о факте, и фото поставил небольшое, типа паспортного. С этого начался мой исход из редакторства...

На другой день помощник главы ворвался ко мне с газетой в сжатом кулаке.

— Ты что наделал? — возмущался он. — В других СМИ целые полосы посвятили нашему шефу! А какие фотографии! Ты подведёшь себя под монастырь.

— Тебя, — поправил я.

— И меня заодно, — согласился помощник теперь уже Василь Васильича. Я не ошибся: его убрали первым.

Через несколько дней глава пригласил меня на собеседование. Он разложил перед собой несколько номеров нашей газеты и стал рассказывать о стратегии прессы. Затем потребовал давать ему на вычитку все материалы ближайшего номера. Такого не позволял себе даже Юрий Третий, учитель по диплому. А здесь — строитель.

— Вы в журналистике разбираетесь? — поинтересовался я.

— Зачем? Я газеты читаю, — сказал Василь Васильич и посмотрел на меня с сожалением.

Перемены в районной власти шли быстро, и мало кто был уверен в неприкасаемости. В одну из майских пятниц, перед обеденным перерывом, ко мне в редакцию заглянул начальник управления сельского хозяйства, по-нашему «сельхозник», любитель женщин и выпивоха, мастер жарить шашлыки и готовить шурпу. Внешне он выглядел интеллигентно: худой, в очках, с шевелюрой чёрных волос, всегда в костюме с галстуком.

— Я уезжаю в лес, — сказал «сельхозник». — Мне Василь Васильич поручил подготовиться к встрече высоких гостей. Будут директора предприятий, начальник милиции, прокурор и кто-то ещё, всех не помню. Глава сказал: это важно для развития района.

— Ну, что ж, поздравляю тебя с благородной миссией спасителя общества, — сказал я с усмешкой. — Пикник — это твоя стихия. Я чем-нибудь могу помочь?

— Да, можешь, — кивнул начальник управления. — Мне дали два ящика водки, зелень, помидоры, колбасу — всего навалом. Пойдём в подсобку, причастимся по чуть-чуть, а то я чего-то волнуюсь. Такая ответственность!

Я не отказался «помочь»: пятница, обед, глава скоро уедет — почему бы нет?

Продуктов в подсобке было, и правда, много: кроме ящика водки несколько сумок с закуской, пакеты с шампурками, контейнеры с мясом, банки с соленьями... Ух!

«Сельхозник» открыл бутылку дорожной водки «Чайковский» с портретом композитора и берёзкой на «обложке». Сам я с моей зарплатой не рискнул бы купить такую. Мы приняли по стаканчику на грудь, заели краковской колбасой. Так мягко! Как будто боженька голыми ноженьками по душе прошёл.

— А теперь, дружище, — сказал начальник управления сельского хозяйства, помоги мне всё это перенести в машину.

Вот он, ларчик-то! С четвёртого этажа две ходки в гараж с тяжеленными сумками — это цена за сто граммов «Чайковского». «Сельхозник» приободрился, даже стал напевать «Во поле берёза стояла».

В субботу утром я заглянул по делам в редакцию. В тёмном коридоре мне встретился начальник сельхозуправления. Казалось, он ещё больше поухудел, глаза из-за очков смотрели тускло, руки тряслись.

— Выгонит меня сегодня шеф, — сказал он. — Опозорились на всю округу.

— Как так, дружище? Что случилось?

— Самое страшное, — вздохнул «сельхозник». — Я сжёг шашлык, пересолил шурпу и рыба выпала из барбекю на землю. А начиналось всё так классно! Поставил мангал у берёзки, разжёг огонь, насадил мясо на шампуры, на костерок воздвиг ведро с бараниной... «Дай, — думаю, — ещё „Чайковского“ приму». Пил, что водицу. А потом не заметил, как вздремнул. Гости подъехали, а от шашлыка только угли остались. Ладно, думаю, пускай шурпу пока хлебают, новый нанижу, покуда тосты, то да сё... Только подзабыл: солил я шурпу или нет. На всякий случай ещё раз бросил соли. Гости эту пищу есть отказались, закусили колбасой. И вскоре разъехались. Первым смылся прокурор. Какой позор!

Согнувшись чёрным вопросительным знаком, начальник сельхозуправления побрёл с повинной к Василь Васильичу.

Напрасно он надеялся на помилование. Если бы от засухи в районе погибли посевы, если бы ящур поразил стадо коров, то ему простилось бы. Но опозорить весь район на пикнике — нет оправданий этому. Через час он уже не работал в администрации. А вскоре пришёл и мой черёд — за статью, не отвечающую взглядам нового главы. Однако и сам Василь Васильич, как и три Юрия Ивановича, правил немного: был осуждён «за превышение служебных полномочий». Интересно: если бы тогда наш «сельхозник» изготовил замечательный ужин с шашлыком и шурпой, как бы повёл себя прокурор?

СПАСИБО ЗА РЕБЁНКА!

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, работает так: из школы и милиции ей сообщают о нарушителях дисциплины, секретарь собирает эти заявления, и в назначенное время члены КДН садятся за длинный стол, вызывают нерадивых деток и их родителей, читают им мораль и наказывают рублём. Но только есть ещё рейды по проблемным семьям. Этих семей в районе примерно полсотни. Какие в них проблемы? Пьянство, мордобой, брошенные дети... Получив несколько тревожных сигналов о запоях мамашек и дебошах папашек, мы с секретарём КДН, начальником отдела опеки и инспектором ПДН определяли маршрут, садились в машину и отъезжали.

Первый для меня как председателя районной комиссии рейд состоялся ненастной осенью в глухую деревню, состоящую из десятка дворов. Самой опытной в комиссии являлась начальник отдела опеки Лидия Ивановна. До этого она около тридцати лет работала в школах, была директором и заведующей РОНО. Строгая, категоричная, с тонкими губами, как у Чингачгука, в кожаном плаще, она напоминала комиссаршу времён Гражданской войны. Кроме неё были секретарь КДН сердобольная Леночка и капитан полиции Женечка — обе крупнотельные, громкоголосые, не лезущие за словом в карман.

По узкой дороге с глубокими колеями, заполненными водой, мы подъехали к уродливому домику, где проживала многодетная семья К-ых. Пространство возле жилища заросло бурьяном и хмызником, в окнах вместо стёкол торчали тряпки. Через полуразбитые ворота мы проникли во двор. Подняться на крыльцо оказалось невозможно: не было ступенек. Там, среди кучек с тряпками, бездонными вёдрами и прочим мусором, смиренно мёрзли трое деток, мал мала меньше. Они с любопытством взирали на незнакомых дядьку и трёх тёток.

— Вы почему так легко одеты? — спросила Леночка.

— А нам тепло, — сказала девочка постарше.

— Где ваши папка с мамкой?

— Дома. Они сказали, чтобы мы погуляли здесь. Скоро позовут.

Двое других деток — не понять, мальчики или девочки — что-то лопотали и улыбались.

— Пьют, наверно, падлы, — сказала капитан Женечка. А «чекистка» из опеки шагнула на порог, решительная, как возмездие — только длинная пола кожанки хлопнула по ноге.

Она вышла через минуту: спокойная, как памятник.

— Родители занимаются сексом, — сказала. — Попросили пять минут подождать.

— Тьфу ты, — плюнула Леночка. — Ночи не хватает? Приспичило...

Мы по часам зашли в дом, пустив впереди замёрзших детишек. На столе стояли пустые бутылки, в холодильнике звучало эхо. Из всей еды — картошка в сковородке. Везде бардак. Леночка с Женечкой набросились на родителей. Лидия Ивановна писала акт.

— Одних детей гробите, а других делаете? Зачем стране дебилы? Лишать вас будем родительских прав!

Как часто мы повторяли эту фразу о лишении! Но изымали деток редко: давали родителям шанс исправиться. Не всегда это получалось. Мы кодировали нерадивых мамок, заставляли трудиться папок, помещали детей в приют, и успех был половинный. Сегодня в семье тех же К-ых пятеро детей, все при деле, учатся, работают, родители не пьют и с нами, как с хорошими знакомыми: спасибо, мол, за то, что воспитывали!

О, сколько было таких рейдов! Мы вытаскивали у одной мамашки пьяного любовника из-под кровати; у другой «отрады» рыжий хахаль по прозвищу Скорпион прятался в шифоньере, но был мною изгнан оттуда; в Курёнках собрался притон, и пьяные мужики набросились на комиссию, так что мне пришлось вспомнить приёмы борцовских захватов, чтобы защитить своих дам... Да, КДН — это не КВН. Всяко было!

Однажды начальник управления соцзащиты Ольга Михайловна, неувядаемая красавица казачьего типа, предложила нам с главой провести районный праздник День матери, пригласив на него... бывших нерадивых, а теперь исправившихся матерей. Идея понравилась. Мы отобрали пятнадцать таких женщин, теперь уже не мамашек, а мам, и предложили им показать свои таланты. Почти все они были многодетными — надо же на что-то жить! — и привели с собой своих чад. То-то весело было! Пели, танцевали, рисовали, вышивали... Жили эти семьи в разных деревнях и сёлах, но прекрасно знали друг друга.

— Они в приютах знакомятся, когда навещают детей, — пояснила Ольга Михайловна.

В конце праздника все получили подарки. А что, разве не заслужили? Это успех: покончить с нерадивой жизнью ради детей.

Корреспондент местной телекомпании, производивший съёмку мероприятия, отозвал для интервью дородную рыжую Раечку из Мухановки, любвеобильную женщину лет сорока, у которой трое детей были от разных мужчин, и она не знала, кто от кого. Она даже имела переписку с эками в разных зонах России, отдала любовникам свой материнский капитал, сама оставшись в драной хате. Ещё год назад мы навещали Раечку еженедельно, выгоняли из её хибары мухановскую шантрапу и заставляли эту «рыжую бестию» наводить порядок в доме. Она не пила и не курила, но без любви жить не могла и к чистоте имела равнодушие. И вдруг после очередного нашего визита Раечка взялась за оставшийся ум, разогнала шантрапу, прибралась, привела дочку в школу искусств, устроилась на работу... На праздник Матери она пришла в придававшем её телу ещё большую пышность шёлковом платье с глубоким декольте, рыжие волосы кокетливо завивались... Истинным удовольствием было взирать на один из положительных результатов работы нашей КДН!

Вечером я включил местный телеканал, чтобы посмотреть сюжет о празднике. Всё было схвачено корреспондентом точно и добротнo. В конце сюжета он на камеру спросил у Раечки, как изменилась её жизнь и кому она благодарна. И эта «рыжая бестия» выдала такую фразу. «У меня сейчас всё хорошо. Спасибо КДН и особенно Геннадию Николаевичу Александрову, благодаря которому я скоро в четвёртый раз стану счастливой мамой!»

Что было потом со мной в семье и на работе — лучше не говорить.

ИСПЫТАНИЕ ПО РУССКОМУ

При моей должности хоть каждый день пиши чиновничьи быльки — было бы время. Чисто весёлых ситуаций не бывает — сплошь трагикомедии.

Легкомысленный симпатяга Серёга привёз с Украины в родную русскую деревню красавицу Роксану. Серёге было 18 лет, а ей — 17. Роксана — иностранка с цыганкой в одном флаконе. Не получив российского гражданства, с радянским паспортом, она собралась рожать. Для многих внуки — отрада, да только Серёгина мать в тесном домишке не очень желала встречать глубокую старость с «цыганским отродьем»: с годами хочется покоя. Предложила сыну жить порознь, проще говоря — турнула из хаты.

У Серёги своих апартаментов не имелось — сам не заработал, и наследства нет никакого. Перешли они с Роксаной жить в другую деревню, в халупу с обвисшим, как пивное пузо, потолком, с полуразрушенной печуркой. Бывший хозяин подался в город и разрешил молодым обитать в утлом домишке: продать его невозможно, а так, глядишь, квартиранты печь будут топить, и хата плесенью не зарастёт. А если потолок заменят и полы покроют — тогда и цену можно предлагать.

Стали молодые жить-поживать да детей наживать. За восемь лет пятерых наклепали: красивых, выразительных — на загляденье. Правда, жила семья неважно. Серёга месячишко поработает и бросит, потом слонов слоняет из одной деревни в другую. Старикам на огородах поможет, дров порубит, а расчёт берёт поллитрой самогона — это в деревне самая конвертируемая валюта, хоть и не вмещается в конверт. Чуть было не спился Серёга, еле-еле КДН заставила его лечиться.

Спасибо, люди добрые в деревне есть: продуктами, вещами помогают. И мать чего-нибудь да принесёт, и районные опека с собесом, глядишь, мешок с одеждой или с хлебом доставят. Я с девочками из комиссии по делам несовершеннолетних тоже частенько бывал в этой семье. И социальные пособия платили на детей. В общем, с голоду не давали погибнуть. Но потолок в хате опустился всё ниже, печь дымила всё гуще, и неотложно встал вопрос о новом доме. Только где его взять? Никакого жилищного резерва в районе нет. Стоят заброшенные хаты, в зарослях американского клёна и борщевика не видны, но попробуй поселись — сразу хозяева найдутся, заломят цену: недвижимость, а как же! Была бы Роксана российской подданной, она могла бы использовать материнский капитал: на пятерых детей почти два миллиона рублей. Можно крепкий дом купить, большой, с удобствами, или даже новый построить! Но ей, матери пятерых граждан России, за восемь лет не выдали даже вида на жительство — каких-то документов с Украины «ждали, ждали, не дождались». Соответственно, без этого «вида» не имела она ни нашего гражданства, ни паспорта. Куда я только не писал с просьбой ускорить процесс — бесполезно. Старший ребёнок пошёл в первый класс, а Роксана всё ещё оставалась иностранкой. Пособия на детей Серёга получал, но «отцовский капитал» — понятие купеческое, в законе его нет.

В начале октября 2020 года дом, где обитала семья, загорелся: выпустил искру из печи боровок на чердаке, и разбросанная возле него сухая солома мгновенно вспыхнула. Документы, деньги, часть вещей Серёга с Роксаной успели вынести, но не все — в первую очередь выводили детей. Благо, осень была тёплой, не надо укутывать. Всё остальное сгорело дотла. Хоть и немного скопилось, а жалко.

Пришлось погорельцам переходить к Серёгиной матери. Как они думали — временно. Все важные люди, вплоть до депутатов Госдумы, обещали им другое жильё: тёплое, светлое, крепкое... Но в России нет ничего более постоянного, чем временное.

У Серёгиной матери тесно — не повернуться. Она с цыганкой ругается, дети кричат — в общем, если это не ад, то его кочегарка. На квартиру погорельцев взять никто не отважился — цыганята новый пожар сотворят. «Помощь» депутатов Госдумы, разных там комитетов по правам семьи, ребёнка заключалась в написании ими грозных писем главе района. Тот отписывал эти требования мне, своему заму по соцвопросам, и я, прихватив начальниц собеса, КДН и опеки, рыскал по окрестным деревням в поисках хотя бы временного, на какой-то один год, жилья. Дальше план был прост: убедить депутатов Госдумы и областных товарищей из миграционной службы, чтобы они ускорили процедуру получения Роксаной российского гражданства.

Через некоторое время депутаты стали сами называть нам в район: «Скажите, как там у Роксаны с гражданством? Что-то делается?» Вот такая оказалась их «скорая» помощь: мы интересуемся, не забыли, а делайте — вы. Уполномоченная по правам

ребёнка в области прислала к погорельцам свою помощницу. Та поохала, поохала, всучила детям по игрушке, подсказала, кому и как писать слёзные жалобы. И от Роксаны пошёл поток писем: президенту, губернатору и прочей верховной власти. Все эти письма поступали главе района, от него — мне. Круговорот бумаг в природе. Написаны жалобы кое-как, в каждом слове ошибки, почерк — как пьяный плетень. Одно письмо, второе, третье... Не знаешь, то ли поиски хаты вести, то ли на жалобы отвечать. А что обещать, если свободного жилья нигде нет? Позвонил я Роксане, попросил: «Не пиши ты, ради Бога, всё попусту, только мы здесь, на месте, сможем решить. До Бога высоко, до царя далеко. Понимаешь?» Молодец, цыганка, поняла. Стала терпеливо ждать.

На первое время мы нашли погорельцам 20 тысяч рублей, помогла им и школа, и пособия ещё имелись. Сердобольные люди привозили ненужные им вещи, которых в тесной хатке некуда складировать. Серёга устроился на работу. Но главное — жильё. Его нельзя купить из районного бюджета — нет такой статьи расходов. Надо минимум 700 тысяч рублей. Тут даже спонсоры не помогут. Ах, где ж ты, материнский капитал! Но для его получения Роксане нужны гражданство и российский паспорт. Процедура не быстрая, ждать придётся более полугода. Украинская цыганка — это вам не Жерар Депардьё.

Как-то Роксана звонит мне поздно вечером и плачет: «Что мне делать? Завтра надо писать диктант, доказывать, что я знаю русский язык. А я школу не закончила. Помогите, я сама не сдам». Судя по её письмам президенту, цыганка не врала.

Начал я обзванивать знакомых, кто мог бы помочь Роксане, что-то подсказать ей, дать списать... Оказалось, всё не просто. Сдавали экзамен при камере видеонаблюдения, как ЕГЭ. Была ещё и устная часть. Проходной балл — сорок один. Я начал снова обрабатывать депутатов: должны они хоть здесь как-то помочь! Ну, потолковать с экзаменатором, что ли, который приедет от Федеральной миграционной службы. Или многодетной матери век ютиться в одной хате со свекровью? Депутаты посочувствовали.

Роксана позвонила мне перед диктантом. Я хотел сам потолковать с экзаменатором, но та не взяла трубку. Я волновался, будто сам сдавал зачёт.

После выполнения работ Роксана успокоила: всё будет хорошо. И экзаменаторша ответила. Наивная цыганка рассказала ей перед испытанием, что я должен позвонить, и она всё поняла... Удивительное дело! Тысячи «иноземцев» работают на просторах нашей необъятной родины, пользуются благами, которые она им даёт, и никаких им экзаменов и зачётов! А тут — мать пятерых граждан Российской Федерации должна доказывать право быть россиянкой, чтобы жить нормально и воспитывать своих детей!

Слава Богу, Роксана сдала. Ей поставили ровно сорок один балл — столько было необходимо набрать. Может, мой звонок потянул на сорок первый? А скорее всего, попалась мудрая экзаменаторша, которая думала так же, как и я — об улучшении демографической ситуации в стране.

Роксана наконец-то оформила материнский капитал. Думаю, всё у них с Серёгой получится. У нас в стране в обиду не дадут.

44-Й ФЗ

Самым каверзным Законом для районной власти является сегодня пресловутый ФЗ № 44, вступивший в действие в 2013 году. Полное его название: «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд». Призванный бороться с коррупцией, этот Закон породил сотни жуликов и загубил судьбы тысяч ни в чём не повинных людей.

Простой люд ничуть не ведаёт о 44-м. А надо бы ему знать, чтобы указательный перст возмущённого гражданина ткнулся в грудь не районного и даже не областного чиновника, а в депутатов Госдумы, принявших этот Закон.

В чём же «прелести» 44-го? Если раньше заказчик ремонтов, строительства, товаров, услуг за государственный счёт мог сам выбрать надёжного подрядчика или поставщика, то сегодня он в этом не волен. Именно здесь, считает Государство, корень зла: директор клуба закажет поставить входные двери своим знакомым — и даст им заработать. А это коррупция! И купить в магазине у тётки пачку бумаги для службы на бюджетные деньги зять-чиновник не может, если в других канцелярских лавках эта бумага дешевле! Значит, зять нанёс районному бюджету ущерб на три копейки в пользу тётки! Это непорядок! По Закону надо брать три коммерческих предложения и выбирать из них самое дешёвое. И так на каждый чох: чтобы что-то купить на сто рублей, потратишь уйму времени и нервов.

Прокуратура, найдя таких «копеечных» нарушителей среди чиновников, директоров школ, глав сельсоветов, штрафует их по полной программе. Досконально проверяется каждая размещённая на компьютерном сайте закупка. Малейшая ошибка — штраф. А люди-то живые, многие из них новички и досконально 44-го не знают и не могут по своей бедности или из-за кадрового дефицита взять себе контрактного управляющего. Сидят бедолаги-директора часами сами за контрактами — а их за год до сотни набирается! — и всё равно без штрафов не обходятся. Поэтому сегодня нет очереди желающих работать главами поселений, директорами учреждений. Из 13 директоров школ в нашем районе в 2020 году ушли 6, из пришедших на их места пятеро через полгода подали заявления об уходе. Ищи, кого хочешь!

Большие, в сотни тысяч рублей, заказы по ФЗ№ 44 выполняются через аукционы: ремонты зданий, грандиозные закупки сантехники, мебели и прочее. Иные руководители строительных и торговых компаний рады 44-му! Они создали под Закон несколько фирм и фирмочек. Решающий момент в аукционе — при одинаковых для всех требованиях заказчика предложить минимальную цену. Допустим, стоит крыша миллион рублей, и за неё борются пять подрядчиков. Победитель предложил полмиллиона. Но за них эту работу не сделать! И пошла комедия: отказываются выигравшая фирма, за ней вторая, третья... Соглашается лишь та, которая почти ничего с миллиона не сбросила. А почему? Да потому что или все остальные фирмочки — её «дочерние», или она дала другим откаты в десятки тысяч, чтобы взять заказ на миллион. Мафия бессмертна! Вот и везут в деревню Козюлькино пластиковые окна из Пензы, унитаза из Тулы и кровельщики из Тамбова, хотя рядом свои мастера и товары, пусть на копейку дороже.

Услуги по 44-му — процедура длительная. Чтобы купить, например, 20 компьютеров, вы размещаете заказ в план-график; его с десятков дней изучают возможные поставщики, потом объявляется аукцион; он длится месяц, затем идут переговоры заказчика с исполнителем — так что вы получите оргтехнику не раньше чем через 3–4 месяца. Если получите...

Бывает, что в первый раз аукцион не состоится — он невыгоден по смете, с ним больше проблем, чем навару. Тогда торги проводят вдругорядь и рады любому «игроку». А что делать? Иначе деньги пропадут — они ведь должны израсходоваться только до конца года. Вот и строят у нас дороги по морозу, а крыши — в дождь и снег. Не знающий 44-го Закона народ возмущён: совсем спятили районные власти, дождались непогоды... И про тех, кто в Госдуме сидят и радуются своему 44-му ФЗ, даже не думают.

Некоторые подрядчики играют в торгах по ремонтам, имея в наличии только печать и лицензию. Крупных заказов они не берут, и работы простые: перекрыть крышу в каком-то учреждении, уложить асфальт... Выиграв заказ, такой подрядчик ищет рабочих: своих у него нет. Хорошо, когда поблизости узбеки и киргизы — эти трудятся прилежно и при небольшой зарплате. А если азиатов нет, приходится ходить по городским дворам и убеждать парней за доминошными столами пойти на стройку шабашниками, чтобы зашибить копейку.

В сельских школах всегда есть срочные работы за относительно небольшую плату: залатать часть крыши, починить теплотрассу, благоустроить вход — да мало ли! Сметная цена вопроса — двести-триста тысяч рублей. Крупные строительные фирмы за эти «бабки» не берутся, да и скромных ИП на такой «геморрой» раз-два и обчёлся. Эх, и хлебнули мы с этим проблем!

Особенно глава района опасался своего земляка из Мухановки Славу. Тот каждый год выигрывал какой-то объект, который мы затем называли «бесСлавным».. Отказать ему мы не имели права — он побеждал в торгах, будучи единственным участником.

Как-то у армянского радио спросили: «Можно ли сделать из говна конфетку?» Армянское радио ответило: «Да, можно. Но это будет конфетка из говна». То, что делали Славины парни, собранные по дворам райцентра, даже этим продуктом назвать нельзя. Уложенный ими асфальт напоминал навозное болото под коровьим стадом. Металлическая черепица на шатровых крышах расползалась вкривь и вкось. Штукатурка на стене казалась пластырем. Короче, всё тяп-ляп. Глава негодовал, орал на Славу и его вечно пьяных шабашников. Но перед Новым годом рассчитывались. А что? В другой раз откажет Слава «играть» в аукционе, и никто не будет делать «мелкие» заказы.

Но однажды всё же лопнуло терпение главы. Прибыл он в одну из школ принимать работу Славиных трудяг. Козырёк над входом протекал ещё сильнее: его просто смазали цементом. Отмостка отошла от стен, так как раствор засох перед укладкой. Асфальтовая тропка вводила мимо школы в лопухи. Но вершиной безобразия явилась дверь от запасного выхода. Её было предписано поставить по нормам «антитеррора». Когда приёмная комиссия проверила её на прочность, дверь оказалась из фольги и сразу же помялась, как конфетная обёртка. Директор школы не принял такую работу. И тогда Слава стал просить Главу и меня о снисхождении. Мол, он нас выручит в любой момент. Но брак был очевиден, а Слава не хотел его исправить. Он подал в суд, но проиграл. Пришлось ему «завязывать» с дешёвыми ремонтами.

О, сколько таких Слав на нашей памяти! Строители из Сыктывкара получили перед Новым годом деньги за невыполненную до конца работу и убыли, оставив гарантийное письмо, где уверяли, что приедут на доделки. Не приехали...

Выигравшая по аукциону проектные работы фирма, получив по договору деньги вперёд, выполняла заказ четыре года!..

Директоров из-за этого штрафовали и выгоняли.

Много невзгод принёс 44-й ФЗ нашему району. И, думаю, не только нашему.